

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Сидень

В старой барской усадьбе жили славные молодые господа. Жили они богато, счастливо, себе ни в чём не отказывали и других не забывали – делали много добра: им хотелось всех видеть такими же счастливыми, довольными, какими были сами.

В сочельник в богатой зале замка зажигалась великолепно изукрашенная ёлка; в камине ярко пылал огонь, а рамки старых картин были окружены венками из еловых ветвей. К господам собирались гости, начиналась музыка, танцы.

А пораньше, под вечер, рождественское веселье устраивалось и в людской. Тут тоже красовалась большая ёлка, пестревшая красными и белыми свечками, национальными флагами, бумажными лебедями и сеточками, наполненными сладостями. На эту ёлку приглашали также всех бедных ребятишек из окрестности с их матерями. Матери не очень-то заглядывались на ёлку, а больше всё поглядывали на стол с подарками: шерстяными и бумажными материями на платья и штанишки. Туда же смотрели и дети постарше, и только малыши тянулись ручонками к свечам, мишуре и флагам.

Вся эта пёстрая компания являлась сюда рано после обеда и угощалась рождественской кашей и жареным гусём с красной капустой; после же того, как все успевали досыта налюбоваться ёлкой и получить свои подарки, каждому подносили ещё по

чарочке пунша, да по яблочной пышке.

Затем гости расходились по своим бедным лачугам, и там-то начинались разговоры о том, как славно живётся барам – как они сладко едят и пьют, а, наговорившись, все принимались ещё раз хорошенько разглядывать свои подарки.

В услужении у господ жили также Оле и Кирстина – муж с женою. Они были приставлены к господскому саду в помощь садовнику и получали за свой труд помещение и стол. Кроме того, на их долю каждый сочельник доставались положенные подарки, и всех пятерых детей одевали на свой счёт господ.

– Много делают добра наши господа! – говорили муж и жена. – Ну да, ведь, на то у них и средства, чтобы доставлять себе этим удовольствие!

– Тут славные платья для четверых ребят! – сказал Оле. – Что же, нет ничего для сидня? Прежде они и его не забывали, хоть он и не бывает на ёлке!

«Сиднем» прозвали они старшего сына; звали же его собственно Гансом. Малышом он был резвым, крепким ребёнком, но потом вдруг с чего-то «ослабел ногами» – как они говорили – не мог больше ни стоять, ни ходить, и вот лежал в постели уже пятый год.

– У меня есть кое-что и для него! – сказала мать. – Только не Бог весть что – книжка для чтения ему!

– Сыт он с неё будет, нечего сказать! – заметил отец.

Зато сам-то Ганс очень обрадовался книжке. Он был мальчик способный, любил читать, да и работать не ленился и трудился насколько хватало сил и умения. Он не сходил с постели, но руки у него были проворные, и он прилежно вязал шерстяные чулки и даже одеяла, которые госпожа помещица хвалила и покупала.

Книжка, что подарили Гансу господа, оказалась со сказками. Было ему теперь что почитать, о чём поразмыслить!

– А в доме-то от неё всё-таки пользы мало! – сказали родители.

– Ну да пусть себе почитает от скуки, не всё же ему чулки вязать!

Пришла весна; начала пробиваться травка, показались первые цветочки, а с ними и сорные травы, как, например, можно

обозвать крапиву, хотя о ней так прекрасно сказано в псалме:

„Хотя бы всех земных царей
Со всех концов земли созвать,
То всё же властью им своей
Листка крапивы не создать!“^[1]

В господском саду было поэтому много работы не только самому садовнику и его ученикам, но и Оле и Кирстине.

– Ну, и работа! – говорили они. – Только что мы выполем и вычистим все дорожки – их опять затопчут! Гости-то, ведь, у господ не переводятся! И во что это обходится им! Ну да и то сказать – куда ж им деньги-то девать?

– Да, мудроно распределено всё на свете! – сказал Оле. – Все мы дети одного Отца-Господа, говорит священник, откуда же такая разница?

– Пошла она с грехопадения! – говорила Кирстина.

Об этом же зашёл у них разговор и вечером, когда «сидень» лежал и читал свои сказки. От нужды и тяжёлого труда огрубели не только руки, но и сердце и мысли бедняков; они не могли переварить своей бедности, не могли взять в толк её причин и, говоря о том, раздражались всё больше и больше.

– Одни живут в довольстве и в счастье, другие век свой должны мыкать горе! И с какой стати нам платиться за непослушание и любопытство наших прародителей! Мы бы на их месте ничего такого не сделали!

– Сделали бы! – сказал вдруг «сидень». – Вот тут в книжке всё сказано!

– Что там сказано? – спросили родители.

И Ганс прочёл им старую сказку о дровосеке и его жене. Они тоже бранили Адама и Еву за их любопытство, ставшее виною людского несчастья, а в это время мимо как раз проходил король той страны. «Идите за мною!» сказал он. «Вы будете жить не хуже меня; на стол вам будут подавать по семи блюд, да ещё одно сверх того, но на него вы можете только смотреть. Стойт же вам дотронуться до этой закрытой миски – конец вашему сладкому житью!» – «Что бы такое было в этой миске?» спросила

жена. «Это нас не касается!» ответил муж. «Да я и не любопытствую!» продолжала жена: – «Мне только хотелось бы знать, почему нам нельзя приподнять крышку? Уж, наверно, там что-нибудь отменно вкусное!» «Только бы не какая-нибудь хитрая механика!» сказал муж. «Вдруг как выстрелит, да всполошит весь дом!» «Ой-ой!» сказала жена и не посмела дотронуться до миски. Но ночью ей приснилось, что крышка приподнялась сама собой, и из миски запахло чудеснейшим пуншем, какой подают только на свадьбах да на похоронах. Ещё в миске лежала серебряная монетка с надписью: «Напьюсь этого пунша и сделаюсь такими богачами, что все остальные люди будут перед вами нищими!» Тут она проснулась и рассказала мужу свой сон. «Ты слишком много думаешь об этом!» сказал он. «А что, если чуть-чуть приподнять крышку?» сказала жена. «Только чуть-чуть, смотри!» сказал муж. Жена приподняла крышку – чуть-чуть... Из миски выскочили два юрких мышонка и шмыгнули в щёлочку. «Спокойной ночи!» сказал король. «Можете теперь отправляться восвояси! Да не браните больше Адама и Еву, – вы сами такие же любопытные и неблагодарные!»

– Как эта история могла попасть в книгу? – спросил Оле. – Ведь, она точно на нас написана! Да, тут есть над чем призадуматься!

На другой день они опять пошли на работу, и за день-то их и солнцем пожгло и дождиком до костей промочило. Опять накипело у них на душе, опять принялись они пережёвывать невесёлые думы и чувства. Отужинали они засветло, и Оле сказал Гансу:

– Ну-ка, прочти нам опять ту историю о дровосеке!

– Да тут много других хороших! – сказал Ганс. – Вы их ещё не знаете!

– И не надо! – ответил отец. – Я хочу слышать ту, которую знаю!

И муж с женою опять прослушали ту же сказку. И не раз ещё возвращались они к ней по вечерам.

– Не всё-то она мне, однако, распутывает! – сказал раз Оле. – Поди ж ты вот, и с людьми бывает, что с молоком, когда оно скисается: выходит и дорогой сыр и жидкая сыворотка! Иные так уж и родятся на счастье, да на радость, никакого горя, никакой

нужды весь век не знают!

«Сидень» лежал и слушал. Он был слаб ногами, но не умом и вот, взял да в ответ на это и прочёл родителям из своей книжки сказку «о человеке, который сроду не знавал ни горя, ни нужды». Да, где только было искать такого человека? А найти его надо было: король лежал при смерти, и спасти его могла только рубашка с человека, который бы по правде мог сказать, что сроду не знавал ни горя, ни нужды. Разослали гонцов во все концы света, по всем замкам и усадьбам, ко всем зажиточным и довольным жизнью людям, но стоило хорошенько порасспросить их и оказывалось, что все они испытали и нужду, и горе. «А вот я – нет!» заявил один свинопас; он сидел у канавы и весело распевал песенку. «Я счастливейший человек на свете!» «Так давай сюда твою рубашку!» сказали посланные. «Тебе дадут за неё полкоролевства!» Но у него не было рубашки. А он всё-таки называл себя счастливцем!»

– Вот так франт! – вскричал Оле, и оба – и он и жена принялись смеяться, как не смеялись уже много лет.

А мимо их жилища проходил школьный учитель.

– Ишь какое у вас сегодня веселье! – сказал он. – Вот новость-то! В лотерею выиграла, что ли?

– Нет, не то! – сказал Оле. – Это вот Ганс прочёл нам сказку «о человеке, сроду не знавшем ни нужды, ни горя», а оказалось, что у молодца и рубашки-то на теле не было! Поневоле размякнешь душой, как послушаешь такую историю, да ещё прямо из книжки! Правда знать, у всякого свой крест; никто не избавлен от этого! Всё-таки утешение!

– Откуда у вас эта книга? – спросил учитель.

– А её прошлый год подарили Гансу на ёлке! Господа подарили. Они знают, что он охотник читать, да и «сидень» вдобавок! Мы-то было жалели тогда, что они не подарили ему лучше на пару рубах! Но книжка-то оказалась дельною: она словно отвечает тебе на все твои мысли!

Учитель взял книжку и раскрыл её.

– Ну-ка, пусть он прочтёт нам эту историю ещё разок! – попросил Оле. – Я не запомнил её, как следует. А потом пусть прочтёт и другую – о дровосеке! – Эти две сказки вполне

удовлетворяли Оле; они как будто освещали солнышком всё жильё и разгоняли тяжёлые, мрачные думы, одолевавшие бедняков. А сам-то Ганс успел прочесть и перечесть свою книжку не раз; сказки уносили его в недоступный ему мир, – ноги, ведь, не носили бедняжку.

Школьный учитель присел у постели и побеседовал с мальчиком. Беседа эта обоим доставила большое удовольствие, и с того дня учитель часто стал заходить к Гансу, когда родители были на работе. Для мальчика же каждое посещение учителя было настоящим праздником. Как внимательно слушал он рассказы старика о величине земли, о разных странах, о том, что солнце почти в полмиллиона раз больше земли и находится так далеко от неё, что пущенное с солнца пушечное ядро долетело бы до земли только через двадцать пять лет, тогда как луч света достигает до неё всего в восемь минут.

Всё это известно в наше время каждому прилежному школьнику, но для Ганса всё это было новостью куда более чудесною, нежели все сказки в его книжке.

Раза два в году школьного учителя приглашали отобедать в замке, и вот, однажды он воспользовался случаем – рассказал господам, какое значение приобрела для бедняков та книжка, которую они подарили мальчику, какое благодетельное отрезвляющее влияние имели на бедняков какие-нибудь две сказки! Хилый, но умный мальчик вливал своим чтением мир и отраду в сердца родителей и заставлял работать их мысли.

Когда учитель стал прощаться, госпожа вручила ему пару серебряных далеров для маленького Ганса.

– Пусть их возьмут отец с матерью! – сказал Ганс, когда учитель принёс ему деньги. А те сказали:

– Сидень-то наш тоже оказывается нам на радость и на пользу!

Дня два спустя, днём, когда родители Ганса были на работе, перед жилищем их остановилась господская карета. Это пожаловала навестить «сидня» сама добрая госпожа; она была так рада, что её рождественский подарок доставил столько утехи и удовольствия и родителям, и мальчику! На этот раз она привезла ему белого хлеба, фруктов, бутылку сладкого сока и – что всего больше обрадовало бедняжку – вызолоченную клетку с маленькой

чёрненькою птичкой. Как она мило насвистывала! Клетку с птичкой поставили на высокий деревянный сундук, неподалёку от постели мальчика, чтобы он постоянно мог любоваться на птичку. Пение же её слышно было даже на улице.

Оле и Кирстина вернулись домой уже после отъезда госпожи. Они хоть и видели, как рад был птичке мальчик, всё-таки отнеслись к подарку, как к лишней обузе в доме.

– Много они рассуждают, эти баре! – сказали они. – Вот у нас теперь ещё новая забота – ходить за птицей! Сам-то сидень, ведь, не может! Ну, и кончится тем, что кошка съест её!

Прошла неделя, прошла другая; кошка за это время много раз побывала в горнице, не выказывая поползновения даже испугать птичку, не то что съесть. Но вот, случилось удивительное событие. Дело было после обеда, родители и все дети были на работе; дома оставался один Ганс. Он сидел на постели и перечитывал сказку о жене рыбака, все желания которой исполнялись сейчас же. Захотела стать королём и стала, захотела стать императором – тоже, но когда захотела стать самим Богом – очутилась опять в грязи, откуда только что выбралась.

История эта не имела ни малейшего отношения ни к птице, ни к кошке; «сидень» только читал её, когда произошло замечательное событие, и навсегда запомнил это обстоятельство.

Клетка помещалась на сундуке; кошка стояла на полу и пристально глядела на птицу своими жёлто-зелёными глазами. Взгляд её как будто говорил птичке: «Как ты мила! Так бы и съела тебя!»

Ганс прочёл это во взгляде кошки и закричал: «Брысь! Вон из комнаты!» А кошка как будто готовилась к прыжку.

Ганс не мог достать до неё, и под руками у него не было ничего, кроме драгоценнейшего его сокровища – книжки со сказками. Но он всё-таки бросил её в кошку; корочки переплёта оторвались и полетели в одну сторону, а книжка в другую. Кошка же только слегка отодвинулась и посмотрела на Ганса, словно говоря: «И не суйся лучше, милый мой! Я-то могу и бегать и прыгать, а ты вот нет!»

Ганс следил за каждым движением кошки и весь трепетал от

волнения. Птичка тоже заметалась в клетке. Позвать было некого, и кошка точно знала это. Вот, она опять стала готовиться к прыжку. Ганс принялся махать на неё своим одеялом, – руками-то он мог действовать – но кошка не обращала на одеяло никакого внимания. Наконец, Ганс даже запустил в неё одеялом, но без всякой пользы; кошка вскочила на стул, а потом на подоконник, откуда было ближе добраться до птички.

Вся кровь прихлынула к сердцу Ганса, но он о том и не думал, он думал только о кошке и птичке. Что же, однако, мог он сделать? Как ему сойти с постели? Он не мог даже встать на ноги, не то что двигаться!.. Сердце мальчика как будто перевернулось в груди, когда он увидел, что кошка вдруг прыгнула с окна прямо на сундук и опрокинула клетку на бок. Птичка отчаянно забилась. Ганс вскрикнул, по телу его пробежал судорожный трепет, и он, не помня себя, спрыгнул с постели, кинулся к сундуку, крепко схватил клетку с перепуганной птичкой и выбежал на улицу. Тут у него брызнули из глаз слёзы, и он громко возликовал: «Я могу ходить! Я могу ходить!»

Он вдруг выздоровел; это случается, случилось и с ним.

Учитель жил рядом, Ганс и кинулся к нему как был – босоножкой, в одной рубашонке да курточке, с клеткой в руках.

– Я могу ходить! – кричал он. – Господи Боже мой! – И он зарыдал от радости.

Да, вот была в тот день радость в доме Оле и Кирстины!

– Счастливей этого дня нам уж не дождаться! – сказали они оба. Ганса позвали к господам; много лет уже не ходил он по этой дороге, и теперь ему казалось, что и деревья-то все и кусты, которые он так хорошо знал, кивали ему ветвями и говорили: «Здорово, Ганс! Добро пожаловать!» Солнышко так и играло у него на лице и в сердечке!

Добрые молодые господа усадили Ганса и так радовались его выздоровлению, словно он был им родной. Особенно радовалась сама госпожа: это она, ведь, подарила ему и книжку со сказками, и птичку. Птичка, правда, околела от испуга, но всё-таки была виновницей выздоровления Ганса, а книжка тоже сослужила немалую службу: развлекала и утешала и мальчика, и его родителей. Он и не хотел расставаться с нею никогда, хотел

беречь и постоянно перечитывать её до какой бы глубокой старости ни дожил! Теперь он уже мог быть в помощь своим родителям и собирался научиться какому-нибудь ремеслу – лучше всего переплётному: тогда ему можно будет читать все новые книги!

Но после обеда госпожа призвала к себе родителей Ганса, – она уже поговорила о мальчике с мужем, Ганс был мальчик прилежный, набожный и способный к ученью, ну, и Господь не оставит его!

В этот вечер родители Ганса вернулись домой как нельзя более довольные, особенно Кирстина, но через неделю она заливалась горькими слезами, снаряжая своего Ганса в путь. Правда его одели в хорошее платье, и сам он был мальчик хороший, но теперь его приходилось отправить за море, далеко-далеко! Он поступит в гимназию, и пройдут долгие годы, прежде чем родители опять свидятся с ним!

Книжку со сказками ему не дали с собою; родители хотели сохранить её на память. И отец частенько перечитывал всё те же две сказки, – их-то он знал!

И вот, от Ганса стали приходиться письма, одно другого радостнее. Он жил у хороших людей, в хорошей обстановке, а лучше всего было то, что он мог посещать школу! Многому мог он там научиться! Теперь у него было только одно желание: дожить до ста лет и потом когда-нибудь сделаться школьным учителем!

– Дожить бы нам до этого! – толковали родители, пожимая друг другу руки, словно шли к причастию.

– Да, вот что случилось с Гансом! – сказал Оле. – Господь, значит, печётся и о детях бедняков! На нашем-то сидне это как раз и сказалось. А, право, всё-таки это смахивает на сказку! Так вот и кажется, что сидень только прочёл нам обо всём этом из своей книжки со сказками!

^[1]Из псалма епископа Томаса Кинго (1634–1703).

 Загрузка...